

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	9
Введение	11
Примечания	19
Глава 1. Что такое история?	21
I. Определение истории	21
1. Простой и правдивый рассказ	21
2. Пространство и время	23
3. Предмет рассказа	25
II. Место истории	29
1. История— вспомогательная наука	29
2. Мораль и история	31
3. Теология и история	33
4. Право и история	37
5. Завоевание автономии	40
Примечания	43
Глава 2. Контурные портреты историков: История как второсте- пенное занятие	51
I. Под сенью монастырских стен	52
1. Епископы и каноники	52
2. Монахи	53
3. Братья	63
II. История при дворе и на площади	66
III. В лихорадочной суете канцелярий	74
IV. Дилетанты, эрудиты, любители старины	79
Примечания	83
Глава 3. Труд историка: документирование	91
I. Природа источников	91
1. Свидетельства и предания	92
2. Памятники и надписи	99
3. Грамоты и архивы	107

4.	Книги и библиотеки	116
II.	Поиски источников	126
1.	Разыскание документов	126
2.	Составление подборок документов	129
3.	Забота о ссылках	132
	Примечания	138
Глава 4.	Труд историка: обработка	153
I.	Критика свидетельств	153
1.	Сила авторитета	153
2.	Истинное и апокриф	157
3.	Подлинное и поддельное	166
II.	Господство времени	174
1.	«Distinctio temporum»: эпохи мира	174
2.	«Supputatio annorum»: исчисление дат	181
3.	Ratio temporum: время и критика	191
III.	Чувство пространства	193
1.	Косность книг	193
2.	Плоды опыта	199
IV.	Забота о числе	206
V.	Страсть к этимологии	212
	Примечания	220
Глава 5.	Труд историка: сочинение	233
I.	Важность заглавия	233
II.	Выбор жанра	236
1.	Анналы, хроника, история	236
2.	Факты и их причины	240
III.	Обработка	244
1.	Эрудиция компилятора	244
2.	Язык автора	248
IV.	Помощь читателю	261
1.	Книги, главы и оглавления	261
2.	Маргиналии и алфавитные указатели	265
3.	Иллюстрации	272
	Примечания	276
Глава 6.	Успех сочинения	287
I.	Мера успеха	287
1.	Количественный подход	287
2.	Пространственный подход	298

3.	Карты	301
4.	Временной подход	311
II.	Причины успеха	314
1.	Фон	314
2.	Форма	320
III.	Пути успеха	323
1.	Соборы и монастыри	323
2.	Покровители	326
3.	Города	331
	Примечания	336
Глава 7.	Историческая культура	343
I.	История историков	344
1.	Общий фонд	344
2.	Различия	351
II.	Другая история	358
1.	Клирики и миряне	358
2.	От ясности к темноте	368
	Примечания	372
Глава 8.	Весомость истории	377
I.	Власти и история	377
1.	Историческая пропаганда	377
2.	Официальная история	382
II.	Примеры и прецеденты	392
III.	История и правда	397
	Примечания	401
Заключение		405
Примечания		416
Библиография		417
I.	Сокращения	417
II.	Основная библиография	418
1.	Вводные работы	418
2.	Общие работы	419
3.	Региональные работы	421
4.	Границы истории	424
5.	Профили историков	425
6.	Профили покровителей	426
7.	Книги и библиотеки	427

8.	Священная история, древняя история	430
9.	Описи и генеалогии	431
10.	Историческая критика	431
11.	Время	432
12.	Пространство	433
13.	Число	434
14.	Этимология	434
15.	Форма	435
16.	Иллюстрирование	436
17.	История и политика	436
18.	Авторы	439
19.	Анонимные произведения	456
20.	Другие документы	459
III.	Дополнительная библиография, труды по истории историографии 1980–1990	460
1.	Новые работы	460
2.	Общие работы	460
3.	Региональные работы	462
4.	Границы истории	464
5.	Профили историков	465
6.	Профили покровителей	465
7.	Книги и библиотеки	466
8.	Священная история, древняя история	467
9.	Описи и генеалогии	468
10.	Историческая критика	468
11.	Время	469
12.	Пространство	470
13.	Число	472
14.	Форма	472
15.	Иллюстрирование	473
16.	История и политика	473
17.	Авторы	474
18.	Анонимные произведения	492

К ЧИТАТЕЛЮ

У этой книги нет никаких особых претензий, кроме одной. Слишком многие еще думают, что в Средневековье не было историков, слишком многие еще осмеливаются говорить, что в Средневековье ни у кого не было ни исторического чутья, ни настоящего интереса к прошлому. Я хотел бы просто убедить в том, что в Средневековье были историки и что у них были читатели. Историков было множество, и у них было множество читателей и слушателей; поле исторической литературы и исторической культуры на Западе в течение десяти веков так обширно, что я вижу, сколько моих читателей будут разочарованы, потому что ждали большего исходя из названия моей книги.

Я нисколько не претендую на то, чтобы дать полную и детализированную панораму средневековой исторической литературы. Тут не хватает многих имен, причем важных: и из-за недостатка места, и из-за недостатка знаний, и потому, что французская историография мне ближе и привычнее.

К вопросу об идеологии средневековых историков. Она у них была, разумеется, и они разделяли ее со своим временем. Если бы я решил заниматься этим, мне бы волей-неволей пришлось изучить идеи Средневековья в целом сквозь призму исторических трудов и написать несколько толстых томов, в которых конкретная цель моего исследования растворилась бы.

Конкретная же моя цель заключается в постановке нескольких вопросов. Каково было место истории в Средние века? Кем был историк? Как историки работали? Какие усилия они прилагали, чтобы реконструировать близкое и далекое прошлое? Кто их читал? Кто их слушал? Какую сумму знаний, какую картину прошлого они смогли оставить в наследство своим современникам и потомкам? Какое влияние имели эти знания и картина прошлого на менталитет и образ действия людей?

Понятно, что, поставив эти вопросы, я мог ответить на них только гипотезами. Не хочу никого вводить в заблуждение. Мои фразы, даже самые уверенные по форме, на самом деле чаще всего представляют собой лишь предположения. Моя книга — это очерк, претен-

дующий только на то, чтобы поставить несколько вопросов и дать несколько неуверенных ответов. Я охотно принимаю девиз одного из моих предшественников, Жана Лемера из Бельгии, хотя, впрочем, мы никогда не узнаем наверняка, не была ли его скромность притворной:

Довольствуюсь малым.

ВВЕДЕНИЕ

Средневековье порождено презрением. Еще в XVI веке историки придерживались традиционной периодизации. В истории мира следовали друг за другом шесть веков или четыре империи, в истории Франции — три династии. Общей чертой этих периодизаций было то, что они маркировали непрерывный поток времени. Шестой век начался с рождением Христа и длился безостановочно. Четвертой империей была Римская империя, и она еще существовала. С X столетия продолжали править потомки Гуго Капета.

В XIV столетии Петрарка выдвинул идею о том, что, хотя после периода расцвета римская литература пришла в упадок, теперь настало время обновления. В XV столетии Гиберти аналогичную эволюцию усмотрел в изобразительном искусстве, причем начало возрождения связал с Джотто. После этого как во Франции, так и в Италии в истории литературы и искусства между временем римского расцвета и эпохой Возрождения стало общим местом отмечать время варварства, невежества и темноты, которое представляло собой всего лишь парентезу, промежутки. Так под пером историков литературы и искусства совершенно естественно возникли такие выражения, как **media tempestas** (с 1469 г.), **media antiquitas** (с 1494 г.), **medium tempus*** (с 1531 г.), **saeculum medium** (с 1596 г.). **Media aetas** появляется в 1551 г., **medium aevum** в 1596 г. Питу говорит о «средних веках» в 1572 г., Камден о «middle age» в 1605 году. Впоследствии **media aetas, medium aevum**, «средние века» вошли в общее употребление, но долго оставались ограниченными рамками научного стиля, когда речь шла о литературе и изобразительном искусстве, так что словарь Фюретьера издания 1690 года и словарь Академии издания 1694 года включают словосочетание «средние века» только в обороте «авторы средних веков». Однако в Германии как раз в это время термин «средние века» вошел в употребление для обозначения одного из длительных периодов всеобщей истории. Христофор Келлер, известный под прозвищем Cellarius, во втором томе своей всеобщей истории, вышедшем в 1688 году, представил историю средних

* «среднее время», «средняя античность», «средний век» (*лат.*)

веков: «*Historia medii aevi*». В Германии Империя слишком ослабела, чтобы сохранилось ощущение политической непрерывности, и протестанты были счастливы поправить все столетия, отделявшие реформу Церкви. Во Франции, напротив, богословы могли не ценить схоластику, иезуиты могли презирать «готические потемки», галликанские священники могли с опаской относиться к временам, в которых восторжествовало папство: все эти католики могли не испытывать симпатии к Средним векам, но ввиду противостояния протестантам они должны были принимать эти времена, демонстрировать полное свое согласие с ними. А главное, как верноподданные короля Франции могли бы перечеркнуть времена Хлодвига, Карла Великого и Людовика Святого? До второй половины XVIII столетия ни одна французская книга по истории не выделяла Средние века как исторический период. Но вскоре философы заклеямили эти века невежества, клерикальной тирании и «феодального» правительства. Под гнетом этого скопившегося презрения Средневековье выросло и заставило считаться с собой. В издании 1798 года словарь Академии утверждает, что «Средневековьем называется время, которое прошло с царствования Константина до возрождения литературы в XV столетии». С этих пор во многих трудах Средневековье выступает как один из основных, самоочевидных периодов истории.

Средневековье порождено презрением. И однако начиная с XVIII столетия патриотизм средневековых авторов препятствовал тому, чтобы клеймить их. Все больше находилось людей, которые ценили их «наивность» и «простоту». Мысль о том, что они воплощали непрерывный прогресс человеческого разума, заставила даже философов найти в Средневековье некоторые достоинства. Люди благородного происхождения заинтересовались «веками рыцарства». Позже, в начале XIX столетия, либералы стали внимательно вглядываться в те времена, когда в коммунах свобода делала свои первые шаги. Католики, ставшие ультрамонтанами, сохранили в памяти от этой эпохи величие Рима. Но больше всего сделал для реабилитации Средневековья восторжествовавший романтизм. Так как сама идея о существовании Средневековья была порождена исключительно презрением, защитники оклеветанных столетий могли бы поставить перед собой задачу перечеркнуть, уничтожить эту идею, но ничего подобного не произошло: они хотели только лучше понять, глубже постичь Средневековье, существование которого не отрицали. Реабилитированное, Средневековье оставалось живым явлением. Оно было даже узаконено. В 1838 году изучение Средне-

вековья было предусмотрено программами среднего образования. В 1856 году Анри Мартен опубликовал историю Франции, поделенную на три периода, одним из которых было Средневековье. В 1863 году историки, посвятившие себя изучению Средних веков, начали называть себя «медиевистами». Наконец, в 1874 году после нескольких десятилетий, когда общеупотребительны были прилагательные «моуенагэ» «enmoуенаgeux» со значением «средневековый», появляется прилагательное «médiéval», имеющее то же значение. И вот уже целый век лучшие умы задаются вопросом, когда начинается и где кончается Средневековье (le Moуen Âge)¹.

Каждый медиевист знает сегодня, что Средневековья никогда не существовало и тем более никогда не было духа Средневековья. Кому взбрело бы в голову сунуть в один мешок людей и учреждения VII, XI и XIV столетий? Если нужно производить периодизацию, у 1000 года или у 1300 не больше, но и не меньше прав, чем у конца V или конца XV столетия. Истина заключается в том, что в сложной ткани, которую представляет собой история, изменения, происходящие в каждой области и на разных уровнях каждой области, не совпадают, не согласуются между собой. Чем более общий характер носит периодизация, тем более она спорна. Это не более чем тень, всего лишь слово, удобное для обозначения определенного хронологического пласта, но вкладывать в него еще какой-то смысл опасно, и не стоит обманываться этим словом.

В то же время совершенно справедливо утверждение, что Запад, который противопоставляет себя греческому Востоку и простирается от Испании и Италии на север, включая Польшу и Венгрию², в течение периода, который длится примерно тысячелетие, начинаясь где-то между IV и VI столетиями и заканчиваясь между XIV и XV, в многообразии стран и времен обнаруживает некое единство: во всех этих странах все это время господствует латинское христианство; они признают первенство папы римского; языком их культуры является латынь; у них есть некие общие верования и общие идеи, есть одни и те же книги, которые все читают. Поэтому законным представляется желание окинуть единым взглядом культуру этого периода, отмечая, конечно, и черты несходства, и происходящие изменения. И вполне естественным, в частности, кажется интерес историка к его предшественникам на средневековом Западе.

И однако, если справедливо утверждение, что в первой половине XIX столетия и просто просвещенные люди, и специалисты-историки, чтобы лучше узнать Средневековье, с увлечением читали

унаследованные от него повествования, то одни искали в этих источниках, как М. Буке до них³, «только факты», другие же отбирали лишь подлинные свидетельства. Медиевистов той поры совершенно не заботили историки Средневековья, они не интересовались их концепциями и намерениями, не рассматривали историческую литературу в целом, у них даже и термина не было для ее наименования. Первыми, кто по-настоящему занялся историками Средневековья, были несколько эрудитов, получивших образование в *Ecole des Chartes*. В 40-х годах XIX столетия под влиянием католицизма и романтизма в духе ультрамонтанства они захотели постичь и реабилитировать труды Средневековья, в том числе и исторические, и, естественно, заинтересовались работой и философией историков Средневековья. Но, по правде говоря, эти историки дальше благих намерений не пошли, ведь даже лучшие из них, такие как Л. Готье, чтобы доходчивее доказать широкой публике правоту своих религиозных убеждений, обратились к популяризаторству, сочтя эту задачу более неотложной. Полнейшая реабилитация историков Средневековья произошла во время мощной революции, совершенно преобразившей между 1866 и 1876 годами французскую историческую науку⁴. Ее участники, Гастон Пари, Поль Мейер, Габриэль Моно и другие, сплотившиеся вокруг агрессивного «Критического обзора истории и литературы», глубоко восприняли немецкие направления и методологию. Они самым естественным образом пришли к убеждению, что в Средние века была историческая литература, достойная интереса. Отнюдь не случайно термин «историография» в значении «историческая литература», уже очень давно получившем признание в Германии, во Франции впервые появляется, насколько мне известно, в 1869 году под пером эльзасца Родольфа Реса в «Критическом обзоре истории и литературы»⁵.

Термин «историография» в современном французском языке отличается опасной двусмысленностью. Бешерель включил его в свой словарь в 1845 году, но, очевидно, под влиянием польской школы, некоторые приверженцы которой эмигрировали в Париж после событий 1830–1831 годов, он придал ему смысл, в котором толковали его Лелевель, Вронский и Плебанский. Историография была для него «искусством написания истории», и наши недавно вышедшие словари повторяют это определение. После 1845 года слово «историография» распространилось в значении, какой этот термин имеет в немецком языке, то есть «литература по истории», так что французские историки, которые начали изучать эту литературу по